

Машков И.

Назван. Мясо (масло)

МАШКОВ

Иван Иванович

Я родился в тысяча восемьсот восемьдесят первом году, 17 июля (ст. ст.) в станице Михайловской, области Войска Донского. Мои деды — крестьяне Ростовской губ. Один из крупных торговцев Михайловской станицы предложил моему отцу взять работу в качестве служащего в его винной лавке, предложив ему для этой цели помещение (большую хату) в хуторе Красном (называют хутор Красный) — осталось и по сию пору).

За это время родилось двое детей, из которых первым был я. Мы, т. е. родители и дети, переехали в Красный хутор.

В 1889 г. меня отдали учиться в приходскую школу в Михайловской станице.

До 12-летнего возраста мне нравились люди — чистые, с умом, знанием, умением, физической силой, здоровьем, остальные вызывали во мне чувство жалости или сочувствие.

В приходской школе я был самым плохим учеником, учился плохо и не хотел учиться; чего и не хотел, того я никак не мог осмыслить. По черк у меня был каллиграфический, чистописание мне казалось своего рода рисованием, поэтому я с удовольствием им и занимался.

Делал модели мельницы-ветрянки с вращающимися жерновами, часы, будильник разбирал, читал и выверял. Не изучая и не зная физики, я знал много законов физики и применял к делу, когда это нужно было, клеил летающие змеи, делал корабли с парусами, которые видел на картинках, делал скрипки, пистолеты (стрелял по-

рохом и дробью) и больше всего нравилось рисование — на это я уделял много времени (рисовать я начал, кажется, лет с девяти).

Тяжелые материальные условия моих родителей, многодетность заставили их отдать меня в люди, не считаясь с моими способностями к технике и к искусству. На первых порах в 1892 году они отдали меня в ст. Физиковскую, к торговцу продуктами (фруктово-бакалейная торговля), армянину Сумблянтьянцу, работать просто за кусок хлеба.

Работая с 6 часов утра до 2 часов вечера без всяких отдухов и праздников, я пробыл у Сумблянтьянца до начала декабря этого же года. Мать, видя мое тяжелое положение, со слезами взяла меня домой в хутор Сычев. Дома свободой я пользовался не больше недели. Мать поехала в город Борисоглебск и отдала меня мальчиком к купцу М. Е. Юрьеву. Это было в середине декабря 1892 г. Условия службы: 30 рублей в год жалования, питание и помещение. Моя работа у этого хозяина продолжалась до 1900 г.

Ежедневно с 7 часов утра до 9 часов вечера, стоя на ногах, я выполнял всю работу, какую только меня заставляли делать. Я считался у хозяина, по сравнению со своими сверстниками, на первом счету, потому что я ненавидел торговлю, чувствовал себя так, как будто бы меня держат от милости, как откуда-то негодного для дела.

За мою бестолковость меня часто перебрасывали из магазина в магазин и из заводы. В мыло-

совершенно другим и охотно штамповал мизантропически настроенные мифологические эскизы, и для них делался мажор. Еще охотнее и работал при мимолетном давлении, темля исландскими охотничьи и охотничьи резны на бочках с мясом.

Приближался лет во 16 и затруднялся определить, что мне ближе нравится — техника или композиция. Так как меня считали почти никчемным человеком, а мое увлечение рисованием и техникой считалось никому ненужным безделом, то в караулы от служивших и даже в гимназии там и тут, несколько что было возможно. К концу 1896 г. слегка случившись удачно для германской работы и служивших, я в праздничные дни после службы, обычно с 11 часов, уединялся и предавался живописи. Это определенно мне судьбу как художника. В моем распоряжении был исключительно материал и одна записная книжка. До этого я не видел ни одной картины, написанной рукой художника. Я предлагал работать как самоучка. Как ни старался и скрывать свое хладнокровие, все же служившие об этом знали.

Продолжал писать карандашом по праздникам, во время сессии и в некоторых картинках, одних из любителей помог мне выписать из Москвы нужные масляные краски. В конце 1899 г. в моем доме гостили люди не только бывшие, но и другие граждане этого города. Приближалось в декабре этого же года, в праздник после четырех часов, я сидел, как обычно, за самодельным мольбертом при керосиновой лампочке, копируя какую-то картину. В трех комнатах первого этажа в это праздничное время почти никто дома не бывало. Ищущую мою работу неожиданно нарушил какой-то незнакомец любопытный, разглядывая меня в окно. Через полминуты этот человек в сопровождении одного нашего служащего вошел в комнату, где я писал. Он оказался учителем рисования местной гимназии Н. А. Елсеевым. На его вопрос — хочу ли я учиться живописи? — я задал ему тоже вопрос — разве этому учатся? Он предложил мне прийти к нему на квартиру посмотреть его работы. После этого визита я окончательно решил во что бы то ни стало сделаться художником.

В феврале 1900 г. я заявил хозяину о своем уходе, получил остаток жалованья 1 руб. 85 коп. Борисоглебский учитель рисования обещал мне помочь поступить учителем в московское Училище живописи, ваяния и зодчества, где когда-то он сам учился вместе с Коровиным, Архиповым, Левитаном, Нестеровым и др. Пробыв в Борисоглебске до августа этого же года, я затем и первый раз в жизни отправился в Москву.

Приехав в Москву, я первым делом размыслил Училище живописи, ваяния и зодчества. Для меня стало неприятной неожиданностью, что нужно держать конкурсный экзамен по живописи и что у моих конкурентов очень хорошая подготовленность. В экзаменационные дни я был буквально в неформально-дисциплинарном состоянии. Я был болен, я искал, в какой-то мере прибегая к такому усилению и

старания, чтобы хорошо нарисовать и выдержать конкурсный экзамен. Я никак не мог примириться с мыслью, что опять попаду в руки хозяина и его холопов. Я никогда не доходил до такого отчаяния и страха, — так мне хотелось поступить в Училище и сделаться художником.

Первого сентября этого же года я узнал, что выдержал экзамен по живописи. Я был неопытнее счастлив. С первых же дней занятий я познакомился с одним товарищем по курсу, и мы на равных условиях сняли меблированную комнату за 12 руб. в месяц на Доминьковской улице, в бывших Кавальских номерах.

Когда я держал экзамен в Училище живописи, ваяния и зодчества первого курса не существовало, поэтому поступил сразу на второй, называвшийся годовым.

Параллельно с занятиями в головном классе, где руководителем были художники Корни и Горский, я занимался еще в пейзажном классе, руководимом Александром Васнецовым.

На второй год Московское общество любителей живописи постановило выдавать мне ежемесячно стипендию в размере 10 руб., сроком на 6 месяцев. Занимаясь я в Училище с огромным увлечением и старанием. Чувствовал себя морально замечательно.

В первой половине учебного года, в октябре 1902 г., мне, как наиболее успевающему и нуждающемуся ученику, был предложен заработок в виде урока по живописи. Первый раз в жизни, с огромным волнением и беспокойством, я охотно взял этот урок, с оплатой 8 рублей в месяц.

Это было началом моей второй специальности, т. е. педагогической.

Три последние года поз. ряд получал денежные премии за успешность.

После окончания курса в натурном классе можно было продолжать работать дальше.

В это время все, что я умел и знал в области живописи, меня крайне не удовлетворяло. Все, что я умел, мне в то время казалось никому не годным, никому не нужным. Я не знал, что мне делать и как делать.

Мой учитель А. М. Васнецов ответил на мои муки и переживания, которые продолжались три года поз. ряд, заявлением: «Вам следует писать и не следует мучиться, так как вы для этого молоды».

Зимой 1904/05 г. у меня были все же попытки поработать у В. А. Серова и К. А. Коровина, но из этого ничего не выходило.

Период первой революции 1905 г. меня захватил. Картины вооруженного восстания на улицах города Москвы, митинги, где приходилось слышать речи ораторов различных партий, в которых мне тогда трудно было разобраться, сильно волновали.

В это время мне был понятен весь гнойный, гнилой период в искусстве под названием «модернизм» и «декаданс». Это еще более усложнило вопрос моего роста в области искусства.

Несмотря на складывающуюся для меня так неблагоприятную обстановку, я продолжал заниматься педагогической работой.

Летом 1906 г. во вновь строящемся доме я устроил себе мастерскую, в которой работаю и до сих пор.

Студии с моими многочисленными учениками и бедотия на уроки по домам отнимали у меня целиком все время и энергию. Видя своих некоторых сверстников участвующими на выставке своими произведениями, мне моментами казалось, что я гибну. Имея доставшуюся мне такой дорогой ценой великолепную мастерскую, я не знал выхода из этого положения.

Весной 1907 г. художник Михайловский обратился ко мне с предложением взять его с его учениками в мою компанию. Я решил согласиться на это предложение, и мы с ним руководили вдвоем студией с учениками в количестве приблизительно 50 человек.

Художник Михайловский бывал за границей, в Италии, очень много говорил о старых мастерах, которые были до этих пор мне непонятны. И я смотрел на них, как на старые черепа первых христиан. Но когда он мне показал замечательные итальянские репродукции с великих старых мастеров, с рисунков, картин и портретов таких художников, как Тициан, Рубенс, Рембрандт и других, — я неожиданно для самого себя был поражен, настолько мне они показались гигантскими и замечательными.

Петербургский Эрмитаж произвел на меня потрясающее впечатление. В это время я был прямо озабочен на М. А. Врубеля, на К. А. Сомова. На картинах старых мастеров я видел драпировки красного цвета в любом количестве, между тем в этот период красный цвет считается грубым, не художественным, мужицким.

Все эти чувства и соображения, все виденное в Эрмитаже меня сильно зарядило желанием во что бы то ни стало поехать за границу и посмотреть искусство на местах. Я с большим трудом мобилизовал все материальные возможности и отправился в 1908 г. за границу.

После заграничной поездки мне казалось, что я своим разумом и чувством постиг все глубины, все тонкости изобразительного искусства. Мне казалось, что все виденное творчество всех этих величайших художников окончательно оформило во мне художника-живописца. Восторгам я восхитению не было предела.

Я был потрясен работами Микель-Анджело, Тициана, Рембрандта, Рубенса, Тернера, Веласкеса, Гольбейна, Дюрера, Кранаха и величайшего родоначальника итальянской школы — Джотто с его учениками, которые под конец моего путешествия особенно привели меня к неопысуемым восторгам и восхищениям (падуанские фрески). Я считаю, что фресковая живопись также богата бесконечными возможностями звучания, как музыка с ее разнообразием, переливами, ароматом, тембрами, вибрациями, трелями и т. д.

Пожалуй, в еще большем восторге я был от венецианской мозаики в соборе Сан-Марко с ее могучим, пышным, полнокровным, богатым, нарядным колоритом.

Эта поездка дала мне огромную силу, большую веру в себя.

Необходимо сказать об одном знакомстве, которое произошло в 1907 г., с другом Михайловского — художником П. П. Кончаловским. Родственность взглядов на живописное искусство быстро сблизила меня с П. П. Кончаловским, и вся наша неудовлетворенность тогдашней жизнью в искусстве усиливала в нас взаимную связь и интерес друг к другу.

Начав в Москве работать, имея в своем сознании все виданное за границей, я все же не знал, как мне надо писать и рисовать. Но все же в первые месяцы по возвращении в Москву в моих живописных этюдах чувствовалось, хотя и не особенно отчетливо, но уже нечто совершенно другое.

Я замечал, что у меня больше выходит на холсте что-то такое, напоминающее Сезанна, Ван Гога, Гогена, фрески Джотто, и джоттистов, и прерафаэлитов и венецианские мозаики.

Но все же мои работы этого времени больше напоминали современных французских мастеров.

Моя работа в мастерской В. А. Серова привела его в невероятное раздражение. В течение первого месяца, к обычному смотру работы этой мастерской, все мои сверстники по этой мастерской, согласно требованию, выполнили по одной мертво написанной работе; я же с жаром выполнил, как кажется, до 10 работ.

Характер моего письма вызвал бурное негодование у всей профессуры, и огромным большинством было решено меня немедленно удалить из мастерской за яркое живописание. Все это решалось при плотно закрытых дверях, на месте преступления, без посторонних. Потом мне рассказывали об этом очень смущенные уборщики мастерской. Но благодаря настоящим очень живого, замечательного живописца, художника К. А. Коровина, меня все же оставили в мастерской. В. А. Серов, очень чуждо относящийся к своему искусству и занятиям с учениками, согласился и мне разрешили работать до конца учебного года.

В. А. Серов потом круто изменился ко мне, очень высоко оценил меня, но говорил, что когда я работал у него вначале, то я делал не то, что надо делать.

Весной 1909 г. на одном из моих этюдов было крупно написано мелом «выбыл». Когда я узнал об этом в канцелярии и сообщил, что хотя и сильно заловдал, но все же мог бы сдать зачеты по научным предметам и получить диплом, мне ответили: Вы не желая выполнять новую программу по искусству, считаетесь выбывшим из школы.

Это обстоятельство привело меня в ярость.

Все же в лице большинства этих рутенеров К. А. Коровина выставил часть моих работ на отчетной ученической публичной выставке.

ши в здании — никто никогда еще не видел деревянные роскаты и резных церквей.

Множество картин живописную мозаику — самым разнообразным и большим мажорным звучанием — французскую живопись Делатто — с миром идеальным изумлением. Всегда и до сих пор эти две живописные тучки стоят передо мной как непреодолимые.

Третье мое путешествие было в 1914 г. Я поехал через Базель, побывав в Турине, в Констанцию, в Смирте, Грании, в Бегите, Конге, Порт Салте.

Возвратившись из последнего путешествия за границу, я через Италию поехал в Швейцарию, побывав в Женеве, Лозанне и другие города, побывав Женевского озера, немного поинтересовался красивой природой, горы, озера, города и деревни, оборудованные так, как в хорошем пансионе пригласилея сервированный стол для еды.

Художнику неврдно побывать в Швейцарии посмотреть средневековое искусство, главным образом архитектуру, из города, озера, горы.

Когда я вернулся в Москву, то через три дня после моего приезда, в 1914 г., 17 июля, была объявлена и началась империалистическая война.

Февральскую революцию я встретил с недоверием. Небольшие надежды я ожидал издать издать, как это было в первые дни первой революции 1905 г. По моей инициативе, на восьмой день Февральской революции я с художником Мильманом начал цирк против Цветного бульвара для митинга художников. До этого времени я принимал слабое участие в общественно-политической жизни.

При Керенском нас, художников призывного возраста в количестве 9 человек, по просьбе В. Д. Поленова, В. М. Васнецова и др. освободили от общественной повинности. Таким образом я впервые в жизни не был военным.

До дней Октябрьской революции я с утра до ночи, а не редко и до утра участвовал во всех собраниях, где обсуждались вопросы об изобразительном искусстве.

После Октябрьской революции меня и многих моих товарищей еще больше захватывало общественная жизнь, мне больше захотелось принимать участие в строительстве новой жизни и создании нового искусства.

Тогда я уже был членом коллегии НСОН (архитекторы), где в июне 1918 г. встал вопрос о реформе Училища, живописи, музыки и искусства.

Участником этой коллегии — художники, зная всю мою историю, связанную со школой, предложили наркомку назначить меня по реформе Училища. Получив мандат за подписью А. В. Луначарского, я с трепетом и волнением с 18 июня 1918 г. взялся реформировать Училище.

С огромным увлечением взялся перестраивать старую школу в советскую, руководствуясь инструкциями Наркомпроса и желая как можно лучше и совершеннее все сделать.

Уже в Первый — 1918 — год, будучи упомянутым членом по реформе Училища живописи, музыки и искусства, я был избран, из 10 профессорских, вторым профессором живописи.

В течение зимы 1918/20 с упором занимался с государственной мастерской со своими учениками, которых у меня было человек 50, преподавая в это время все трудности. Мы без особого фразерства и деклараций, но выработанным мной только программой и методом, работали очень дружно и быстро, изучая законы, принципы и элементарные живописи, работая с 9 утра до 9 вечера. Я был для своих учеников примером и как профессор живописи и как дроворуб и печник.

Я, при помощи своих старательных отважных учеников, соорудил в огромной мастерской огромную кирпичную печь. Все зиму за дровами ходил пешком в лес.

Я, как еще никогда в жизни, в особенности в этот год, когда без остатка отдавался занятиям с учениками и забывал, что я старший, что я по отношению к ним являюсь профессором. Это они чувствовали, это их трогало, и они все были очень дружны. Я отпирывался с учениками пешком с связками в лес за дровами за 18 км от Москвы.

В 1920 г. у наиболее талантливых художников шло желание организовать общество. Я в этот момент был председателем Московского комитета художников Мира искусства.

К этому времени почти все мои товарищи по Бубновому валету числились членами Мира искусства.

Бубновым валетом после первых пяти лет сильно изменил свою физиономию и к этому времени фантастически перестал существовать.

Я и мои товарищи решили создать новое творческое художественное общество.

Не задумывая новых названий, а используя наиболее популярное и авторитетное общество художников Мира искусства, мы решили в Москве это общество расширить, вобрав в него все наилучшее из всех направлений художников как молодых, так и известных, пиляющихся, как, например, Репин, Васнецов, Поленов, Нестеров, Корин, Мазянин, Архипов и др.

В отведенном доме на Большой Никитской было устроено несколько выставок, и было проведено несколько вечеров, посвященных искусству. После полутора лет эта организация прекратила свое существование.

В конце 1922 г. весь бывший Бубновым валетом решил опять объединиться и устроить выставку. Выставка была открыта в 1923 г. на Рождество: в Вхутемасе, под названием «Московские художники», где были выставлены работы бывших участников Бубновым валетом.

Я выставил свои пейзажи, портреты, натюрморты, написанные в манере, напоминающей старых голландских и итальянских мастеров. Все это я сделал с абсолютной точностью и ясностью.

Мне на этот раз хотелось, как никогда, сказать всем, как специалисту и профессионалу и мастеру

этого дела, что надоело видеть изображенным человеческий портрет без головы, незакрашенные холсты и т. п. очивтительство.

Этими работами мне хотелось сказать многим товарищам, что надо писать так, чтобы всякий нормальный и порядочный человек воспринимал в наше время искусство так, как воспринимали его во времена Фидия и Рафаэля, чтобы оно было понятно без объяснений, чтобы зритель был освобожден от головоломки так же, как великий Тициан понятен современнику-гондольеру.

Эта выставка, в том числе и мои работы, на учащуюся молодежь и вообще на художников произвела впечатление совсем не такое, какое я ожидал, судя по огромной ругани и обвинениям в рутинерстве и т. п., какими мы были встречены.

В 1923—1924 гг. я чувствовал, что наступила пора приступить и работать над собой как над человеком-общественником и художником, что надо сделать движение вперед по направлению тех идей, для которых и ради которых живет и борется лучшая часть человечества.

В 1922 г. появилась новая художественная организация под названием «Ассоциация художников революционной России» (АХРР). Несмотря на слабую и плохую сторону живописного мастерства участников АХРР, я решил перейти в эту организацию. Я думал и верил, что все это изменится в лучшую сторону.

Перейдя в АХРР со своими учениками, я организовал там ахровские курсы. Я пробыл в АХРР до весны 1930 г.

За последнее время существования организации РАПХ она своим поведением создала, по моему мнению, такие условия для художников, в частности, и для меня, в которых можно было не творить, а просто задохнуться. Я задыхался от этой атмосферы, но в то же время был уверен в своем даровании и в своей силе.

Неправильность поведения РАПХ была признана ЦК ВКП(б), и РАПХ была распущена 23 апреля 1932 г. Этот исторический факт сильно изменил положение искусства и художников.

В настоящее время я чувствую себя физически и морально замечательно. Я знаком со школьной скамьи с жизнью, как-будто достаточно изучил искусство великих мастеров и как-будто подготовился, чтобы писать картины. Как-будто бы последовательно я прошел все стадии развития как художник.

И последняя стадия — это 17 лет нашей революции, которая дала окончательно все, что обязательно нужно человеку и художнику.

Величайшие Рафаэли и Тицианы учили меня, как надо писать. Маркс, Ленин, Сталин и 17 лет революции научили меня теперь, что писать.

Теперь передо мной стоит задача писать все то, что интересует партию, советскую власть и весь революционный пролетариат.